

**БИБЛЕЙСКАЯ АРХЕТЕКСТУАЛЬНОСТЬ
В ПОЭЗИИ ИОГАННА РИСТА**

Г. В. Синило

Белорусский государственный университет,
факультет социокультурных коммуникаций,
ул. Курчатова, 5, 220108, Минск, Республика Беларусь
E-mail: sinilo@mail.ru

Статья посвящена исследованию библейской архетекстуальности в творчестве немецкого барочного поэта Иоганна Риста (Johann Rist, 1607–1667), прославившегося своими духовными песнями, которые и сейчас исполняются немецкими протестантами. Выявляется значимость для его поэзии прежде всего Книги Псалмов и Книги Экклесиаста, выполняющих функцию «осевых» архетекстов – смысло- и текстопорождающих текстов, а также жанровых образцов (архитекстов).

Ключевые слова: Библия; архетекст; архитекст; Книга Псалмов; Песнь Песней; Книга Экклесиаста; барокко; немецкая поэзия XVII в.; духовная песня; Иоганн Рист.

**BIBLICAL ARCHETEXTUALITY IN THE POETRY
OF JOHANN RIST**

G. V. Sinilo

Belarusian State University,
Faculty of Social and Cultural Communications,
Kurchatov str. 5, 220108, Minsk, Republic of Belarus
E-mail: sinilo@mail.ru

The research paper investigates the biblical archetextuality in the work of the German Baroque poet Johann Rist (1607–1667), famous for his spiritual songs, which are still performed by German Protestants. The significance for his poetry is revealed, first of all, of the Book of Psalms and the Book of Ecclesiastes, which perform the function of “axial” archetext – meaning- and text-generating texts, as well as genre samples (architexts).

Key words: The Bible; archetext; architext; The Book of Psalms; The Song of Songs; The Book of Ecclesiastes; Baroque; German Poetry of 17th century; spiritual song; Johann Rist.

XVII в. становится той эпохой в развитии европейской культуры, когда античный эталон красоты и уравновешенной меры существен-

но дополняется библейским эталоном безмерности, несоизмеримости Бога и созданного Им мира с человеческой мерой. Более того, для такого ведущего художественного направления XVII в., как барокко, принципы библейской эстетики и поэтики, опирающиеся на категорию возвышенного, нацеленные на передачу динамики духа, оказываются более важными, чем принципы «Поэтики» Аристотеля. Барокко очень близки концептуальность, метафоричность, символичность библейского мышления, а также свойственная художественному миру Библии конкретность отражения мира. В силу этого Библия, являющаяся «осевым» архетекстом (т. е. древним текстом, обладающим повышенной аксиологической значимостью, цитируемостью, реинтерпретируемостью, выполняющая смысло- и текстопорождающую функцию) европейской культуры, становится для барокко также важным эстетическим эталоном, а для поэзии барокко – главным источником тем и жанровым образцом (архитекстом). Чрезвычайно важную архетекстуальную роль приобретают лирические книги Ветхого Завета – Плач Иеремии (особенно для немецкой поэзии Тридцатилетней войны), Песнь Песней (прежде всего для мистической поэзии, но также и для любовной лирики), Книга Псалмов (Псалтирь), которую пронизывает диалог между Я и Вечным Ты (М. Бубер) и в которой человек трагической эпохи ищет опоры и поддержки своей душе, а также Книга Экклесиаста. Неостоицизм, являющийся философской базой барокко и преломляющий идеи античного стоицизма через призму библейского мирозерцания, находит в Экклесиасте одного из важнейших своих собеседников.

Библейская архетекстуальность, связанная с лирическими книгами Библии, очень ярко выявилась в немецкой барочной поэзии, в том числе в творчестве Иоганна Риста (Johann Rist, 1607–1667), совершенно не изученном в Беларуси и России. Проблема библейской архетекстуальности в поэзии И. Риста не становилась предметом самостоятельного рассмотрения и в немецком литературоведении, в связи с чем тема настоящего исследования представляется достаточно актуальной, тем более что в наше переломное время вновь на первый план выходит спасительный диалог человека со Словом, звучащим в Писании, в том числе и обращение к нему писателей, художников, композиторов.

Иоганн Рист принадлежал к Гамбургскому кружку поэтов, в творчестве которых классицистические опиицианские установки

соединялись с ярко выраженными барочными чертами. Поэт родился в Голштинии, в Оттензене, в семье пастора. Он изучал богословие, юриспруденцию и другие науки в университете Ростока. В 1628 г. И. Ристу пришлось бежать из этого города от войск Валленштейна. Он переселился в городок Ведель, стоящий на Эльбе недалеко от Гамбурга. Здесь он служил пастором и домашним учителем. После окончания войны И. Рист снискал большую славу как поэт и был возведен в дворянство. В 1656 г. он создал поэтический «Орден Эльбских лебедей». Кроме того, поэт был членом «Плодоносящего общества» и «Пегницкого пастушеского и цветочного ордена» (Нюрнберг). Будучи одним из самых образованных людей своего времени, он писал на разные темы, в том числе богословские трактаты и лютеранские гимны.

И. Рист издал несколько сборников духовных песен, которые приобрели широчайшую известность не только благодаря талантливым стихам, но и музыке его друга, кантора Михаэля Якоби: «Небесные песни» (“Himmliche Lieder”, 1643), «Размышления о Страстях [Христовых]» (“Passionsandachten”, 1648 и 1654), «Субботнее веселье души» (“Sabbathische Seelenlust”, 1651). Знаменитая духовная ода И. Риста «Созерцание Вечности» (“Betrachtung der Ewigkeit”), или, по первой строке, «О Вечность, ты – громовое слово...» (“O Ewigkeit, du Donnerwort...”), была положена на музыку И. С. Бахом и до сих пор исполняется в лютеранских церквях. В них столетия спустя после смерти И. Риста звучат и другие его песнопения. Свидетельство неугасающего интереса к духовному наследию этого пастора и поэта – новые научные издания его песен с нотами и исследования о его творчестве (см. [2], [4]). Само название одного из обширных сборников И. Риста, изданного в 1660 г. и переизданного совсем недавно с нотами и научным комментарием, – «Новый музыкальный рай души Ветхого Завета» (“Neues Musikalisches Seelenparadies Alten Testaments”) [6] – указывает на особый интерес немецкого поэта к ветхозаветным текстам и в первую очередь к Псалмам.

Книга Псалмов стала в Германии XVII в. важнейшим архе- и архитектурным как для жанра переложения (парафразы) псалма, так и для чрезвычайно популярного и бурно развивающегося жанра духовной песни, которая в отличие от переложения не обязательно следует структуре определенного псалма. Задача духовной песни – петься,

быть ритмически четкой, звучной и звонкой, хорошо запоминаться, избегать излишне сложной образности и синтаксиса. Эти черты заложил еще М. Лютер и широко развил М. Опиц. Тем не менее каждая духовная песня – молитва по определению. Она обращена к Богу и выстраивается как диалог между человеком и Творцом, между Я и Вечным Ты. Именно поэтому эталонным ахетекстом для этого жанра остаются библейские Псалмы, тем более что они также, по сути, представляют собой духовные песнопения. Однако в отличие от самих Псалмов, их переложений, свободных вариаций на их темы, как у А. Грифиуса и К. Кульмана, духовная песня чаще всего выражает простые и ясные чувства и мысли, больше говорит об общеобязательном для каждого верующего, больше утешает и вселяет надежду, нежели говорит о смятении чувств и предельном страдании. В жанре духовной песни писали М. Опиц, П. Флеминг, С. Дах, К. Г. фон Гофмансвальдау и многие другие. По сути, этот жанр не обошел вниманием ни один немецкий поэт того времени. Однако на этом фоне выделяются и качеством, и количеством, и невероятной популярностью духовные песни И. Риста и П. Герхардта, до сих пор поющиеся в лютеранских общинах.

У И. Риста библейский архетекст часто вводится паратекстуально, прямой отсылкой к конкретному псалму или даже к конкретным стихам того или иного псалма, свободной вариацией к которому является последующий текст духовной песни. Кроме того, в качестве паратекста чаще всего присутствует эпиграф-цитата из псалма. Так, заглавием одной из знаменитых духовных песен, состоящей из пятнадцати пронумерованных семистишных строф (форма стансов), становится отсылка к 15–16-му стихам Псалма 145-го (“Psalm 145, 15–16”), и эти же стихи приводятся в лютеровском переводе как эпиграф: “Aller Augen wahrten auf dich, und Du gibst ihnen ihre Speise zu seiner Zeit; // du thust Deine milde Hand auf und sättigest Alles, was lebt, mit Wolgefallen” [1, с. 320] («Очи всех уповают на Тебя, и Ты даешь им пищу их в свое время. // Открываешь руку Твою и насыщаешь все живущее по благоволению» – Пс 145/144:15–16; Синодальный перевод; далее – СП). При этом первые четыре строки стихотворения И. Риста представляют собой ту же слегка преобразованную цитату («Все уповает, Господь, на Тебя, / Что движется в мире, / Что в воздухе и в воде / Твоей силой приведено в движение»):

1.
Es wahrhet Alles, Herr, auf Dich,
Was in der Welt sich reget,
Was in der Luft und Wassern sich
Durch deine Kraft beweget.
Er schaut auf Dich das Klein und Gross',
Auch was der runder Erdenkloos
In seinem Umkreis heget.

2.
Es kan sich ja kein Menschenkind
Durch eigne Kraft versorgen:
Den ob wir schon bemühet sind
Vom Abend biss zum Morgen,
So thut man alles doch ümsunst,
Im Fall', O Herr, sich deine Gunst
Uns Armen halt verborgen [1, S. 320].

Говоря о безграничной заботе Бога обо всех живых существах, поэт органично вспоминает Псалом 104/103-й, в котором упоминаются многочисленные птицы: «Все они от Тебя ожидают, чтобы Ты дал им пищу их в свое время. // Даешь им – принимают; отверзаешь руку Твою – насыщаются благом» (Пс 104/103:27–28; СП), а также Псалом 147/146-й, в котором упоминаются голодные воронята, жалующиеся Богу: «Дает скоту пищу его и птенцам ворона, взывающим к Нему» (Пс 147/146:9; СП). Все эти аллюзии так или иначе участвуют в порождении нового текста, где органично появляются молодые вороны, воробьи, скачущие по крыше, олени, ищущие корм, – обо всех заботится Господь:

5.
Ja, liber Herr, wie soltest Du
Die Menschen nicht ernähren?
Dein Hand ist nie geschlossen zu,
Die Nohtruft zu bescheren.
Dein Segen zeigt sich nah' und fern:
Den jungen Raben gibst du gern
Auch das, was sie begehren.

6.
Die Sperling' hüpfen auf dem Dach'
Und finden doch ihr Essen;
Die Hirsche gehn dem Futter nach
Und warden nicht vergessen.
Du nährest allerlei Geblüht':
Ach Herr, wer kan doch deine Güht
Und Libe recht ermessen? [1, S. 320].

В финале поэт говорит о том, что его благодарность Богу невыразима, и просит утолить особый голод души – благословить его на создание хвалы Творцу, которая звучала бы в вечности (так И. Рист скромно и одновременно дерзко вписывает в свою духовную песню мотив «нерукотворного памятника»):

13.
O grosse Weisheit, Hülff und Gunst,
Die du der Welt erzeigest!
Dis schaffet deiner Libe Brunst,
Das du so gnädig steigest
Von deinem Thron herab zu mir.
Wie sol ichs gnugsahm danke Dir,
Das du so tief dich neigest?

14.
Nun, Herr, du machst den Leib mir satt
Nach deinem Wolgefallen:
Doch ich mein' arme Seel auch matt,
Ach speise sie für allen.
Herr, segne mich in diser Zeit,
Dein Lob sol in der Ewigkeit
Durch meinen Mund erschallen [1, S. 321].

Ту же стратегию поэт выбирает в духовной песне «Псалом 104, 1. 2» (“Psalm 104, 1. 2”), красочно варьирующей мотивы большого Псалма 104/103-го, в котором предстает целостная картина мироздания – от небесных светил, гор и морей до мелких пташек. И. Рист предваряет свой текст точной цитатой из Псалма: “Herr, Mein Gott,

Du bist herlich und schön geschmückt. Licht ist dein Kleid, so Du an hast" [1, S. 317] («Господь, мой Бог, Ты великолепно и прекрасно украшен. Свет Твое одеяние...»; ср. Синодальный перевод: «Господи, Боже мой! Ты дивно велик, Ты облечен славою и величием. // Ты одеваешься светом, как ризою...» – Пс 103:1–2). В песне из двенадцати пронумерованных восьмистишных строф, написанных четырехстопным ямбом, поэт развивает тем не менее собственный мотив: если так прекрасен мир, сотворенный Богом, то как же прекрасен Сам Творец? “Wie schön mus wol sein Schöpfer sein?” [1, S. 317–318] («Как прекрасен должен быть его Творец?») – этот рефрен звучит в финальной строке многих строф. Свою задачу И. Рист видит в том, чтобы выразить невыразимое – невероятную, наивысшую красоту Творца, открывающегося человеку через Свое творение.

Сходные приемы мы видим в духовной песне «Псалом 34, 9» (“Psalm 34, 9”), предваренной цитатой из библейского текста: “Schmekket und sehet, wie freundlich der Herr ist” [1, S. 315] («Вкусите, и увидите, как благ Господь!» – Пс 34/33; СП). Поэт призывает свою душу воспрянуть и вкусить всю сладость Господа (явное влияние топики Песни Песней) – подлинное благо и утешение в тяжкое время: “Ich mus, Herr, Deine Süßigkeit, / Ja Güht und Trost in diser Zeit / Erst schmekken und empfinden...” [1, S. 315]. Одновременно в духе времени (и в духе Экклесиаста) И. Рист выносит приговор этому брэнному миру с его часто фальшивым внешним великолепием и искушениями, противопоставляя им подлинную сладость Богопознания и слияния с Иисусом.

Подобные примеры можно множить. Иногда, как в духовной песне «О Псалме 77, стих 4 и 7» (“Ueber Psalm 77, Vers 4 und 7”), отсутствует эпиграф из библейского текста. Возможно, это подчеркивает, что текст И. Риста – очень вольная вариация на тему этих стихов. Показательно, что духовная песня написана энергичным трехстопным хореем – коротким и легким песенным размером. Благодаря этому, а также авторским мотивам драматический Псалом 77/76-й, начинающийся на ноте предельного отчаяния и строящийся на перепаде от безнадежности к надежде, от неверия к вере, возвращающейся с припоминанием исторических событий, через которые являл Себя Бог, превращается у немецкого поэта в бодрую песню, открывающуюся призывом к утреннему солнцу и хвалой Господу, хранящему человека в ночи, спасающему его от коварства и власти

сатаны: “Brich, o Morgensonne, / Lieblich doch herfür! / Gott, ich wil mit Wonne / Kindlich danken dir; / Denn du hast beschützet / Mich die ganze Nacht, / Daß mich nicht beschmitzet / Satans List und Macht” [5, S. 280] («Прорвись, о утреннее солнце, / Любовно сюда! / Боже, я хочу с радостью / По-детски благодарить Тебя; / Потому что Ты охраняешь / Меня всю ночь, / Чтобы меня не запятнали / Козни и власть сатаны»). При этом автор призывает всех «детей Божьих» (Gotteskinder), ликуя, воспеть «самые прекрасные псалмы, какие только можно найти» (“...Singt die schönsten Psalmen, / Die man finden kan” [5, S. 280]). Таким образом, сами слова «псалом», «Псалтирь» (Psalter) являются у И. Риста особыми концептами, «сгустками» смыслов, отсылающими к Книге Псалмов. Он словно бы пишет собственную «Псалтирь» как отзвук Псалтири библейской, более того – игре на псалтири (большом струнном инструменте) Самого Бога: “Herr, dein Psalterspiel...” [5, S. 281].

Библейская Книга Псалмов, именующаяся в оригинале Книгой Хвалений, поражает тем, что собственно хвалений, славословий Богу в ней достаточно мало: гораздо чаще встречаются призывы о помощи, просьбы укрепить дух, покаяние в грехах. В целом же страдание и радость, жалоба и хвала идут рука об руку в Псалтири, и многие псалмы организованы по принципу восхождения человеческого духа от страдания к радости. В наследии И. Риста также есть покаянные духовные песни (Bußlieder), как, например, «Благоговейная покаянная песнь Богу с сожалением и признанием многих грехов» (“Andächtiges Bußlied zu Gott, um wahre Reü und Erkenntniß der vielfältig begangenen Sünden”), сопровождающаяся указанием, что «она должна петься на мотив покаянного псалма “О Господи Боже, помилуй меня”» (“Dises kan gesungen werden auf die Melodei des BußPsalmes: O Herre Gott, begnade mich” [1, S. 222]). В некоторых его песнях, как и в библейских псалмах, соседствуют скорбь и надежда на спасение, как, например, в «Сердечной песне жалобы и утешения» (“Hertzliches Klag- und Trost-Lied”), и в этом смысле он выступает как истинный ученик М. Опица, в понимании которого поэзия должна быть прежде всего духовной опорой и нести утешение. Однако чаще всего И. Рист выбирает не жалобу, а хвалу: большинство его духовных песен представляют собой искреннюю хвалу Богу, перенасыщенную эмоциями, чувством бесконечного восхищения мощью Творца, красочностью и великолепием созданного Им мира.

Таков, например, «Чудесный хвалебный псалом Богу» (“Ein herrlicher Lob-Psaln Gottes”), где Бог, в соответствии с библейскими псалмами, получает именованья «герой во Израиле» (Du Held in Israel) и «крепкий Цеваот» (Du starcker Zebaoth) [1, S. 206] – от Эль Цеваот ‘Бог Сил [Воинств]’ (то, что в русском переводе традиционно передается как Саваоф). В этом же духе написана «Радостная хвалебная песнь Богу» (“Ein fröhliches Lobe-Lied Gottes”), начинающаяся словами: “Auff, meine Seel, vnd lobe Gott, / Spiel auff dem Herren Zebaot, / Dem König’ aller Ehren” [1, S. 179] («Воспрянь, моя душа, / Играй Господу Цеваоту, / Царю славы»). Показательно прямое включение топики библейских псалмов в авторский текст И. Риста.

Для многих духовных песен И. Риста в качестве архетекста выступает Песнь Песней в ее христианском мистическом прочтении – как описание любви между душой, невестой Христовой, и Иисусом. Такова, например, песня «Цветы Сада» (“Blumen des Gartens”), в основе которого топос Сада из Песни Песней как сакрального локуса, в котором свершается таинство любви и Богопознания, как метафоры Царства Божьего. Как героиня Песни Песней, душа в песне И. Риста призывает Возлюбленного – Иисуса, чтобы Он ввел ее в прекрасный Сад:

Liebster, wilst du meiner warten, / Bis die Sonne bricht herfür, / Und mich führen in den Garten / Durch der Andacht schöne Thür, / Zarter Blumen Lieblichkeit / In der süßen Frühlingszeit / Mit Verwundern zu besehen, / Ei, so kom und laß uns gehen! / Jesu, sol ich deinen Augen / Einmal recht gefällig sein... [5, S. 278].

При этом обильно используется топики, связанная с весенним расцветом природы, цветочной символикой (особенно символикой розы), вновь и вновь отсылающая к Песни Песней. Она же выступает в качестве архетекста к «Хвалебной песне» (“Ein Lob-Lied”) с подзаголовком: “Von der hertzlichen Liebe und denen unaußsprechlichen Wolthaten unsers Herrn und Heylandes Jesu Christi” [1, S. 203] («О сердечной любви и невыразимых благодеяниях нашего Господа и Спасителя Иисуса Христа»). Иисус именуется «Женихом моей души», «моей радостью и желанием», «моей надеждой, сокровищем, спасением», «светом и солнцем»:

Jesu, du mein liebstes Leben, / Meiner Seelen Bräutigam, / Der du dich vor mich gegeben / An des bittern Creuzesstamm; / Jesu, meine Freud und Wonne, / All mein Hoffnung, Schatz und Theil, / Mein Erlösung,

Schmuck und Heyl, / Hirt uff König, Liecht und Sonne: / Ach, wie sol ich würdiglich, / Mein HERR Jesu, preisen dich? [1, S. 203].

На протяжении всего текста, для которого смыслопорождающим текстом являются прежде всего Евангелия, а текстопорождающим – Песнь Песней, душа призывает Иисуса и объясняется Ему в любви: “Komm, mein Liebster, stärke mich...” («Приди, мой Возлюбленный, укрепи меня...»); “Komm, mit deiner Süßigkeit / Leib und Seel mir zu befeuchten...” [1, S. 203] («Приди, чтобы своей сладостностью / Оросить мне тело и душу...»). Как видим, поэт-пастор смело включает в свой текст эротическую метафорику Песни Песней (естественно, в ее мистической интерпретации).

Не мог обойти И. Рист своим вниманием и Книгу Экклесиаста с ее размышлениями о времени и вечности, о том, что именно хрупкому бrenному человеку дана возможность осознавать вечность, превращать каждое краткое мгновение в вечность. С этой темой связана одна из самых знаменитых его духовных песен – уже упоминавшееся «Созерцание Вечности». При этом непосредственным претекстом для И. Риста стало опубликованное в 1625 г. в католическом «Кёльнском песеннике» стихотворение неизвестного автора «Вечность». Раздумья неизвестного автора неизбежно «подсвечены» мыслями Экклесиаста о хрупкости, малости, слабости человека перед лицом времени и вечности и о постоянном томлении его духа, пытающегося постичь время и вечность, об экзистенциальном трагизме человеческого познания, об амбивалентности самого бытия, в котором слиты радость и страдание. В своей большой оде, состоящей из 16 пронумерованных восьмистишных строф, И. Рист имеет вечность «громовым словом» (Donnerwort), «мечом, пронзающим грудь» (O Schwerdt, das durch die Seele bohrt...). Поэт определяет вечность как «время без времени» (Zeit ohne Zeit) и размышляет о том, как трудно человеку охватить умом и чувством это понятие, о том, как пугает и одновременно манит вечность. Пугает – потому что тогда можно считать вечным круговорот бедствий и страданий на земле; манит – потому что обещает в мире ином отдохновение от страданий:

O Ewigkeit, du Donnerwort,
O Schwerdt, das durch die Seele bohrt,
O Anfang sonder Ende,

O Ewigkeit, Zeit ohne Zeit,
Ich weis für grosser Traurigkeit,
nicht wo ich hin mich wende.
Mein gantz erschrocknes Hertz erhebt,
dass mir die Zung am Gaumen klebt.

Kein Unglück ist in aller Welt
Dass endlich mit der Zeit nicht fält
Und gantz wird auffgehoben;
Die Ewigkeit hat nur kein Ziel,
Sie treibet fort und fort ihr Spiel,
Läst nimmer ab zu toben,
Ja, wie mein Heyland selber spricht,
Aus ihr ist kein Erlösung nicht [3, S. 72–73].

Поэт призывает человека очнуться от «грешного сна», каковым является наша жизнь, отрешиться от соблазнов бренного и фальшивого мира, от его призрачного великолепия, от земной славы и богатства, вознестись над «злым временем» и готовить свою душу ко времени перехода в вечность, которое, возможно, наступит сегодня, ибо, как говорит Экклесиаст, «человек не знает срока» (Еккл 9:12):

Wach auff! O Mensch, vom Sünden-schlaff' / Ermuntre dich,
verlohrnes Schaf, / Und bessre bald dein Leben; / Wach auff, es ist doch
hohe Zeit, / Es kompt heran die Ewigkeit / Dir deinen Lohn zu geben; /
Vielleicht ist heut der letzter Tag. / Wer weis noch wie man sterben mag!
[3, S. 75].

От позиции Экклесиаста немецкого поэта отличает сугубо негативная оценка земного мира, в котором он не видит никакого настоящего повода для радости, никакой возможности для разумного наслаждения жизнью. Однако это восполняется выраженным в духовных песнях И. Риста восхищением великолепием сотворенного Богом мира.

Таким образом, поэзия И. Риста ярко репрезентирует интенсивный диалог поэта с «осевым» архетекстом европейской культуры – Библией. Именно в этом диалоге рождаются духовные песни, которые и поныне поются лютеранами. Шедеврами поэзии их делает во многом опора на лирические книги Библии (прежде всего на Псалтирь, Песнь Песней, Экклесиаст), которые выступают как смысло-

и текстопорождающие тексты (архетексты), а также как жанровые образцы (архитексты) для духовной песни И. Риста.

Библиографические ссылки

1. Das deutsche evangelische Kirchenlied des 17. Jahrhunderts [Electronic resource] : in 6 Bde / hrsg. von A. Fischer, W. Tümpel. – Hildesheim : Olms, 1964. – Bd. 2. – Mode of access: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Rist,+Johann/Gedichte>. – Date of access: 20.09.2016.
2. “Ewigkeit, Zeit ohne Zeit”: Gedenkschrift zum 400. Geburtstag des Dichters und Theologen Johann Rist / hrsg. von J. A. Steiger; mit einem Vorwort von H. Chr. Kmith. – Neuendettelsau : Freimund, 2007. – 279 S.
3. Gedichte des Barock / hrsg. von U. Maché und V. Meid. – Stuttgart : Philipp Reclam jun., 2005. – 413 S.
4. Johann Rist (1607–1667): Profil und Netzwerke eines Pastors, Dichters und Gelehrten / hrsg. von J. A. Steiger und B. Jahn in Verbindung mit A. E. Walter. – Berlin ; Boston (Mass.) : De Gruyter, 2015. – 709 S.
5. Rist, J. Dichtungen [Electronic resource] / J. Rist. – Leipzig ; F. A. Brockhaus, 1885. – Mode of access: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Rist,+Johann/Gedichte>. – Date of access: 20.09.2016.
6. Rist, J. Neues Musikalisches Seelenparadies Alten Testaments (1660) : Kritische Ausgabe und Kommentar; Kritische Edition des Notentextes / J. Rist, Chr. Flor. – Berlin ; Boston (Mass.) : De Gruyter, 2016. – 765 S.

ФАЎСЦІЯНА Ў КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСКАГА АСВЕТНІЦТВА

Т. С. Супранкова

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
факультэт сацыякультурных камунікацый,
вул. Курчатова, 5, 220108, Мінск, Рэспубліка Беларусь
-mail: tatsupr@tut.by

Артыкул прысвечаны аналізу ўплыву топаса фаўсціяны на беларускую культуру эпохі Асветніцтва. У рабоце робіцца акцэнт на «Камедыі» К. Марашэўскага, сюжэтна звязанай з фаўсціянай. Даследуецца ўплыў нямецкай фаўсціянскай топікі на славянскія версіі.

Ключавыя словы: фаўсціяна; Асветніцтва; беларуская культура і літаратура.